

Елена Иоос

12+

Время Ч

современная психологическая драма

Елена Юрьевна Иоос

Время Ч

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48764885

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-08415-5

Аннотация

«Человек рождён для счастья, как птица для полёта». Но если надежда покидает любящее сердце, сможет ли оно выжить? А.П. Чехов ответил на этот вопрос в своей "Чайке". А как поведут себя в подобной ситуации современные герои и персонажи? Изменилось ли что-то в человеке за сто лет? Автор пьесы "Время Ч" разворачивает психологическую чеховскую драму в реалиях России XXI века. Любовь и ревность, надежда и безысходность, желание мести и сострадание к ближнему... Как справляется современный Треплёв с предлагаемыми обычной жизнью вечными обстоятельствами?

Содержание

Действующие лица	4
Первое действие	5
1	5
2	10
3	19
4	22
5	25
6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Елена Иоос

Время Ч

Действующие лица

Ирина Аркадьевна Треухова – Популярная актриса, лучшие годы уже позади, но пороху ещё достаточно

Дэн (Данила Треухов) – её сын, творческая личность с амбициями

Николай Аркадьевич Зорин – брат Треуховой, 70 лет, полковник в отставке

Инга Ручьёва – дочь чиновника от культуры 17 лет

Борис Репло – режиссёр театра и кино, сожитель Треуховой, значительно её моложе

Сергей Дорнфельд – пластический хирург, друг семьи Треуховой

Тоня – старая няня Треуховой, заодно домоправительница и заведующая её гардеробом, носит чёрное

Первое действие

1

Гостиная в доме Зорина-Треуховой с диваном, креслом у камина, светильником и множеством предметов уюта: подушками и безделушками. В глубине виден небольшой стол, вдоль стен книжные шкафы. На каминной полке стоят театральные и кинематографические награды и среди них – чучело чайки. На спинке дивана и кресел наброшены платья, на ковре валяются несколько пар женских вечерних туфель и коробки из-под них же. ЗОРИН сидит в кресле перед шахматной доской. Входит Дэн. Он снимает круговую панораму комнаты, туфли и платья матери на смартфон. Дэн подходит к Зорину.

ДЭН. Дядь Коль, смотри сюда. Скажи что-нибудь на камеру. Погоди... *(меняет настройку камеры смартфона и ракурс съёмки)*... давай.

ЗОРИН. Чего говорить?

ДЭН. Николай Аркадьевич, что Вы можете рассказать о вашей великой сестре заслуженной артистке РФ Ирине Треуховой?

ЗОРИН. Мгм... Наша Ириночка Аркадьевна очень кра-

сивая, добрая и умная... Слушай, а это ничего, что я выгляжу как её отец? Как-то не очень удобно получается, вроде как возраст её выдаю.

ДЭН. Не парься, дядь Коль, все и так всё знают.

ЗОРИН. Ты бы хоть беспорядок этот не снимал, это ведь... интимный момент, актриса готовится к бенефису, ищет образ. Она твоя мать, между прочим. Брось снимать, некрасиво.

Неслышно входит Тоня чтобы унести несколько платьев.

ДЭН. Ты не в тренде, дядь Коль, не шарить в тенденциях рынка. Это же как раз самое хайповое. Меня залайкают за инсайд. Чем больше фолловеров, тем быстрее бабосики в кармашек потекут. Я видеоблог решил замутить: (*читает типа рэп, пародируя заставку роликов Ю. Дудя*) Дэн даст вам бздэн, ё, бздэн даст вам Дэн!

ЗОРИН. А не запахло тебе, чувачок, на матери родной подниматься?

ТОНЯ. Сегодня мать родную сдашь, а завтра Родину продашь.

ДЭН. При чём тут родина? Чё такого-то? Все так делают. Чем больше интима, тем баще. Я же её не в спальне снимаю.

ЗОРИН. Ещё чего. Уж лучше себя любимогоними во всех подробностях.

ДЭН. Не, это уже не катит. Хотя... Не, надо новые... как

их... формы искать. Искусство не стоит на месте. Видеоарт и всё такое.

ЗОРИН. Понторез.

ДЭН. Чё ты сразу ругаться-то? Я ж просто прикололся. Матери на бёздей хочу фильмец стругануть. Потом вместе пололируем.

ЗОРИН. Слушай, Данила, ещё раз услышу это слово – денег больше не проси.

ДЭН. Чё ты прикапываешься? Все так говорят.

ЗОРИН. Все, все. Ты своё сделай, не как у всех. Может что путное получится. На одной провокации далеко не уедешь.

ДЭН. Не, на путном в топ не пробиться. О! Слушай, чё придумал: скан-дал-и-прово-каци-я ис-точник-инфор-маци-и. Ё! Это моя заставка новостей будет: скан-дал-и-прово-каци-я ис-точник-инфор-маци-И.

ТОНЯ (*уходя с охапкой платьев в руках*). Чем меньше информации, тем хуже провокации.

ДЭН. Ё! Шикардос! Тоня, стой, я буду в своём блоге тебя продвигать. Смотри в эту дырочку, видишь?

ТОНЯ. Ну.

ДЭН. Антонина, скажите пожалуйста, почему Вы всегда носите чёрное? Вы гот?

ТОНЯ. Это траур по моей жизни.

ДЭН. А чё так?

ТОНЯ. Когда с тобой голопопиком водилась, думала, человека рошу. А получилась мартышка.

ДЭН. Кат! Всем спасибо, все свободны.

Тоня уходит.

ЗОРИН. Данила, хватит ерундой забавляться, займись лучше делом.

ДЭН. А я чем, по твоему занимаюсь? Я ж ролик в свой блог снимаю, знаешь, сколько блогеры зашибают? Ладно, смотри вот сюда... *(снова снимает)* Это мой родной дядя Николай Аркадьевич Зорин, полковник инженерных войск в отставке. Повелитель понтонных мостов. Родине он больше не нужен и теперь целыми днями решает шахматные задачи. Врачи говорят, это хорошая профилактика старческой деменции.

ЗОРИН. Не в этом дело. Просто интересно, время незаметно летит. Мозги надо чем-то занимать. Тебе бы тоже не помешало. Вспомни молодость, старичок, реши задачку. Смотри вот, белые начинают и выигрывают.

Дэн останавливает съёмку, смотрит на шахматную доску, делает несколько ходов за белых и чёрных.

ДЭН. Есть. Шах и мат.

Зорин вздыхает. Дэн снова берётся за камеру.

ЗОРИН. И что ты тут нам исполняешь?

ДЭН. Ай, надоело боронить.

Дэн снова включает смартфон.

ЗОРИН. Найди дело по душе, оглянись вокруг – столько всего! Эх, скинуть бы мне годочков сорок!

ДЭН. Стал бы хакером, нарубил бы бабла.

ЗОРИН. Нет, профессию я повторил бы, а в свободное время этим бы увлекался... как его... ну эти... которые по стенкам бегают.

ДЭН. Тараканы?

ЗОРИН. Как их, ну эти... Видел бы ты, как я в юности по понтонам скакал... Да... хорошее было время...

ДЭН (*комментирует съёмку*). Дядя Коля, основатель советского военно-пontonного паркура, просит меня, мартышку голопопую, найти дело по душе. А где его найдёшь-то? Кругом одна лабуда. Да и бабла нету. Пойти, банан схомячить что-ли...

Дэн уходит.

2

Крик Треуховой из-за кулис: «Коля! Коль, ты ещё в гостинной? Я иду!»

Появляется Треухова в красном длинном вечернем платье с глубочайшим декольте.

За ней выходит Тоня.

ТРЕУХОВА. Ну как, может это платье лучше?

ЗОРИН. Ну ты даёшь... Даже не знаю что сказать. Смотри куда целишься. Если в голову, тогда лучше то, голубое, а если мгм... тогда оставь это.

ТРЕУХОВА. Коля, я серьёзно.

ЗОРИН. И я не шучу.

В дверь звонят.

ТРЕУХОВА. Это курьер. Тоня, открой!

Тоня уходит и возвращается с большой картонной коробкой, ставит её на диван и вытаскивает зелёное струящееся платье.

ТОНЯ. Сейчас гладить будем?

ТРЕУХОВА. Тоня! Эту ткань вообще гладить нельзя, ес-

ли только паром и то слегка. Запомни, только пар.

ТОНЯ. Запомнила, гладим только паром. Слегка. Уносить?

ТРЕУХОВА. Дай сначала так примерю. (*Прикладывает вешалку с платьем на себя*) Коль, смотри, ничего?

ЗОРИН. Ничего.

ТРЕУХОВА. Что значит ничего? Ничего – ничего хорошего или ничего пойдёт?

ЗОРИН. Надо на тебе смотреть.

ТРЕУХОВА. А так не видно? Я уже забегалась.

ЗОРИН. Ируш, я же в этом ни бельмеса не понимаю. Как по мне – ты в любом наряде хороша.

Тихонько входит Дэн и снимает происходящее из-под тишка на свой смартфон.

ТРЕУХОВА. Но голубое всё-таки лучше? Или то, серебряное с накидкой? Тонь, что скажешь?

ТОНЯ. Зажралась ты, мать.

ТРЕУХОВА. Тоня! Не порти мне настроение, итак вся на нервах. А мне ещё играть сегодня... Или всё-таки красное оставить? Так, где у нас чёрные замшевые шпильки... Если уж бить, то наповал.

Тоня принимает зелёное платье и подаёт коробку с нужными туфлями.

ТОНЯ. На, убийца.

Треухова надевает туфли и прохаживается вальяжной походкой мимо Зорина.

ТРЕУХОВА. Ну как?

ДЭН. Сассно.

ТРЕУХОВА (*Дэну*). Ты опять за своё? Что это значит? Говори по-русски.

ЗОРИН. Это значит «класс!» Ируш, а кто платит за этот праздник жизни?

ТОНЯ. Кто-кто, наверное Трепло?

ТРЕУХОВА. Тоня! Не трепло, а Р-репло! Сколько раз повторять. Нет, не он. Ему сейчас не до этого.

ТОНЯ. Да он и с «этим» не разбежится.

ТРЕУХОВА. Тоня! Не понимаю, что ты на него взъелась... Не переживай, это не в долг. Вчера в одном очень хорошем бутике с большой скидкой взяла. Я им рекламу делаю. На банкете в Доме актёра будут большие люди с жёнами... Потом что не пригодится, обратно сдам.

ТОНЯ. Ага, ты сдашь...

ТРЕУХОВА. Не бурчи, Тоня! Куда мне столько. Вот это красное точно сдам. Только сначала Ручьёва из него убью. Он Борису деньги на постановку выделить обещал и зажал, жмот такой.

ТОНЯ. А пороху-то хватит? Нынче мужики всё больше по молодухам специализируются.

ТРЕУХОВА. А то я не молодуха.

ТОНЯ. Молодуха... шрам от уха до уха...

ТРЕУХОВА. Тоня! Твои комментарии неуместны! Особенно сегодня, особенно сейчас.

Треухова бежит к зеркалу и рассматривает себя до полного удовлетворения.

ТРЕУХОВА. Нет... ничего не видно. Серёжка Дорнфельд сделал всё как надо и даже лучше. Какая же я ципочка, прямо ух!

ТОНЯ. Ух... А поясница? Тебе жилет собачий с собой дать? Ведь совсем голышом пойдёшь.

ТРЕУХОВА. Тоня! Какой жилет, у меня же бенефис! Тем более собачий...

ДЭН. Точно, собачий – соберутся шавки и начнут хором подвывать: «Ах, Иринушка Аркадьевна, золотая Вы наша...» А Ручьёв твой басом лаять начнёт: «Народную артистку получите высочайшим повелением...»

ТРЕУХОВА (*Дэну*). Тебе бы только гадость матери сказать. Я это звание горбом своим заработала, здоровьем и нервами. Тонь, давай твою жилетку на всякий случай, мало ли, в машине пододену на обратном пути, ночью холодно.

ЗОРИН. Данила, не надо так с матерью разговаривать, у

неё праздник сегодня. И вообще... воздержись от комментариев. Если нечего сказать, лучше молчи.

ТРЕУХОВА. Коля, кому ты это говоришь? У него ещё пубертатный период не закончился. Мужуку двадцать лет, а мозгов до сих пор не выросло.

ТОНЯ. Зато другое созрело...

ДЭН (*Треуховой*). Это ты к тому, что я универ бросил? Ну не хочу я идти по дядиным стопам, у меня свои есть.

ТРЕУХОВА. Знать бы ещё, куда они тебя несут.

ДЭН. Я на операторский летом поступать буду. Операторы нынче дорого стоят, особенно если приз какой-нибудь получить, типа «Золотого Орла». А что, для начала неплохо. Поставлю на полочку рядом с твоими наградами и будешь мною гордиться. А там и Оскар не за горами... «Академи авард фор бест синематографи гоуз то Дэн Треухофф!» Вау!

ТРЕУХОВА. Мгм... Даже не знаю что тебе сказать...

ЗОРИН. Слышь, орёл оскароносный, чем крыльями хлопотать, лучше листья от ворот отгребь, матери ехать скоро.

ДЭН. Я же позавчера вам целых два мешка листьев набил?

ТРЕУХОВА. Не вам, а нам. Иди убери тебе говорят.

ЗОРИН. Данила, листопад же, ну?

ДЭН. Листопад, листопа-ааад, если женщина про-о-о-осит... Ты так просишь, да, мам?

ТРЕУХОВА. Ты уже сам должен знать без напоминаний, что по дому делать, не маленький. Сидишь на моей шее и ноги свесил. Обойдусь без твоих услуг. Боря приедет, уберёт.

ДЭН. Не зная горя, горя, горя, придет Боря, Боря, Боря...
что-то меня на ретро потянуло. Откуда я знаю эти песни?

ТРЕУХОВА. От верблюда.

ДЭН. Да? А я думал это ты мне колыбельные такие пела.

ЗОРИН. Данила, перестань задираться.

ТОНЯ. Чешую эту русалочью обратно в коробку паковать
или в шкаф повесить?

ТРЕУХОВА. Пакуй... В шкаф.

ТОНЯ. Кто бы сомневался.

Тоня уносит платье. Треухова снимает туфли, хромает к дивану и ложится, задрав ноги на подлокотник. Дэн приближает смартфон к её босым ступням и она, наконец, замечает, что он ведёт съёмку. Треухова мгновенно меняет положение на более эстетичное.

ТРЕУХОВА. Данила! Я же просила тебя не снимать без предупреждения!

ДЭН. Я предупреждал, ты не слышала.

ТРЕУХОВА. Что я, глухая по-твоему?

ДЭН. Не знаю, тебе виднее.

ТРЕУХОВА. Прекрати.

Дэн продолжает снимать. Треухова кидает в него диванной подушкой и принимает сидячее положение.

ТРЕУХОВА. Прекрати, я сказала.

ДЭН. Босоногое декольте. Ты мне сама потом спасибо скажешь за эту съёмку. Чистая киногения, эротика без пошлости и ужимок. Посмотри на дядю... подними подбородок... так... умница... руку подними...

Треухова сначала автоматически выполняет указания, потом спохватывается и делает рывок вперёд, чтобы отнять смартфон, но Дэн успевает увернуться.

ТРЕУХОВА. Данила! Или как тебя там... Дэн! Перестань наглеть! Это уже выходит за рамки всякого приличия! Я тебе не подружка!

ЗОРИН. В самом деле, Данила, это уже чересчур. Убери камеру. Свою жизнь оголяй сколько хочешь, а в чужую не лезь.

ДЭН. В чужую значит. Ладно. Может мне вообще уйти? Раз жизнь родной матери мне чужая. В доме селятся все кому не лень, а сыну в её жизни места нет. Так-так-так. Тогда досвидос, родственнички, я пошёл.

ТРЕУХОВА. Куда ты пошёл?

ДЭН. Пока в общаге у пацанов перекантуюсь, а там видно будет.

ТРЕУХОВА. Кто ж тебя в общагу пустит, ты же отчислен?

ДЭН. Есть методы. Друзья в беде не бросят... А чё там, собственно, делать? Лучше в... в... Питер поеду, поварёнком на торговое судно устроюсь. Мне Тоня свой фирменный

рецепт солянки даст.

ТРЕУХОВА (*Дэну*). Что ты опять несёшь?

ЗОРИН. Данила, не дури.

ДЭН. Кто не дури, я не дури? Всё серьёзно. Мое решение окончательно и бесповоротно. Еду... в Якутию. Там алмазы и якутяночки в унтах. Автостопом на оленях доеду.

ТРЕУХОВА. Может лучше на Сахалин пешком рванёшь? Там японочек в белых гольфиках через пролив видно.

ЗОРИН. Ирина!

ДЭН. Белые гольфики? Заманчиво. Крутая тема. Всё, уговорила, еду на Сахалин. Пошел собираться. Денег не надо, добрые люди помогут.

ТРЕУХОВА. Собрался клоун на гастроли.

ДЭН. Ага, чем дальше, тем роднее будем.

ЗОРИН. Ируша! Данила!

ДЭН. Нет, дядь Коль, не уговаривай, чужие так чужие.

ЗОРИН. Да какие чужие? Не в этом же смысле сказано. Я имел в виду частную жизнь. Домашние дела никого кроме нас не касаются.

ДЭН. А я для кого снимаю? Для Пушкина что-ли? Я ж для вас стараюсь. Подарок тебе, мамочка, к дню рождения готовлю.

ТРЕУХОВА. Спасибо, сынок. Я уже боюсь твоих подарков.

ДЭН. Не хотите, как хотите. Я пошёл.

Дэн закрывает смартфон и уходит.

ЗОРИН. Данила!

ТРЕУХОВА. Пусть идёт куда хочет. Капризный мальчик. Побегает да обратно прибежит, в первый раз что-ли?

ЗОРИН. В армию ему надо. Я нашему военкому позвоню, спрошу, почему повестку до сих пор не прислали.

ТРЕУХОВА. Не вздумай! Я в министерстве обороны специально концерт давала чтобы ему отсрочку выпросить.

ЗОРИН. Ну и зря.

Треухова раздражённо собирает разбросанные по полу туфли в коробки.

3

ТРЕУХОВА. Вот что я ему сделала, что он меня так ненавидит? Все игрушки – ему, все лучшие шмотки – ему, на съёмки взять – пожалуйста, в театр – сколько угодно, в Сочи на лыжах кататься – с удовольствием, машину – на возьми! Хочешь в Испанию – вот тебе Испания. В Италию – езжай ради бога. Столько денег угрохано, а он... «чужие люди, чужие люди»... И ты тоже хорош. Кто тебя за язык дёргал? Он же любой повод для ссоры ищет.

ЗОРИН. Ируш, ну прости, я не хотел, ты же знаешь.

ТРЕУХОВА. Не хотел. Конечно не хотел.

ЗОРИН. И чего я такого сказал? Он всё понял правильно, только ему другое нужно.

ТРЕУХОВА. Да что ему ещё нужно-то? Ты хочешь сказать, ему любви моей материнской не хватает?.. Ну, знаешь! Так можно да сорока лет титьку сосать.

ЗОРИН. Успокойся, Ируш, ты права. Ты во всём как всегда права.

ТРЕУХОВА. Господи-и-и! Что же это за день-то такой сегодня! Все меня обвиняют! Никому не угодить в этом доме!

ЗОРИН. Да кто тебя обвиняет?

ТРЕУХОВА. Ты, Тоня, Данила! Все вы мной недовольны – я, видите-ли, плохая мать. Кукушка, подбросившая вам своего птенца! Да, я редко бываю дома, но у меня такая ра-

бота. Ра-бо-та! А не блажь какая-нибудь. И я не могу взять и перечеркнуть свою карьеру. Я актриса! Я хорошая актриса. И позвольте заметить, сына я оставила не в чужом гнезде, а в своём собственном, где выросла сама без отца и матери!

ЗОРИН. Без отца и матери, говоришь? Сама выросла? Что ж, сестрёнка, спасибо.

ТРЕУХОВА. Старший брат это не отец.

ЗОРИН. Да, не отец. Но я любил тебя как отец. Больше отца. А Тоня тебе такой матерью стала, что лучше не бывает. Она, между прочим, ради тебя замуж не вышла.

ТРЕУХОВА. За тебя что-ли?

ЗОРИН. Да если бы...

ТРЕУХОВА. А... а знаешь почему ты не женился?

ЗОРИН. Почему?

ТРЕУХОВА. Потому что ты баба. (*Передразнивает*) «Ты права, Ируш, ты права». Хрястнул бы кулаком по столу, ты же полковник! Откуда Данила мужиком станет, если мужиков в доме нет?

Зорин тяжело поднимается с кресла, берёт не заметную ранее палочку, ковыляет к столу и вдруг со всего маху ударяет кулаком по столешнице.

ЗОРИН. Куда ты дела всех мужиков?

ТРЕУХОВА. Я?! Ты что, Коля?!

ЗОРИН. Шестьдесят восемь лет уже Коля! Из них сорок

пять тебя слушаю. Хоть бы на минуту умолкла, мозгоклюйка!

ТРЕУХОВА. Это я мозгоклюйка? Ты где таких слов набрался?

Звонок в дверь. Треухова с гневным лицом идёт открывать. Зорин оседает на пол.

4

Треухова возвращается с Дорнфельдом.

ТРЕУХОВА. Не обращай внимания, Сергей, у нас тут бардачина сего... Коля!

Треухова и Дорнфельд подбегают в Зорину, поднимают и сажают на диван. Дорнфельд расстёгивает ворот рубашки Зорина, проверяет пульс.

ДОРНФЕЛЬД. Ира, воды принеси, быстро! И тонометр!

Треухова убегает и возвращается со стаканом воды и тонометром. Она набирает воды в рот и брызгает на Зорина, тот открывает глаза.

ТРЕУХОВА. Коленька, что, сердце, да? Давление, да? Сейчас, сейчас... он, наверное, таблетки забыл выпить. Сейчас принесу.

Треухова убегает. Дорнфельд даёт Зорину выпить воды и меряет давление.

ДОРНФЕЛЬД. И часто у Вас это?

ЗОРИН. В первый раз. Бывало, что голова покруживалась, но чтоб вот так – бац и на пол – впервые. Да ничего, пройдёт.

ДОРНФЕЛЬД. Э нет, у Вас давление высокое, Николай Аркадьевич, надо скорую вызывать.

ЗОРИН. Что? Какую скорую? А Вы зачем? Вы же врач. Дайте мне таблеток, чайку с ромашкой и полежать.

ДОРНФЕЛЬД. И всё-таки, Николай Аркадьевич, надо бы в больницу.

ЗОРИН. Тссс. Говорите тише. Мне сегодня нельзя болеть. Завтра можно, а сегодня никак нельзя. У Ируши бенефис, она должна блистать и счастьем светиться. Ей народную артистку дают, а тут я с больницей. Нехорошо, хлопотно слишком. Нет, Серёжа, нет и нет. Не вздумайте никуда звонить.

Входит Ирина с упаковкой таблеток и подаёт Дорнфельду, тот выдаёт что положено, Зорин запивает таблетки и укладывается поудобней на диван.

ЗОРИН. Спасибо, Ируш. Подушечку ещё подложи мне под голову. Ага, хорошо. И чайку завари с ромашкой, если не трудно.

ТРЕУХОВА. Конечно, Коленька, сейчас Тоне скажу.

Треухова уходит. Дорнфельд открывает окно. Входит Тоня с чаем.

ТОНЯ. Допрыгался, казак?

ЗОРИН. Допрыгался.

Тоня отдаёт кружку Зорину и нагибается за палкой.

ТОНЯ. Коня-то потерял.

ЗОРИН. Поставь вон сбоку, спасибо.

ТОНЯ. Где тонометр? Я себе тоже давление померяю.

Вон, погода меняется, поди подскочит опять, вчера сто пятьдесят было.

ДОРНФЕЛЬД. Давайте помогу, мне удобнее.

Дорнфельд и Тоня отходят к столу.

5

Входит Треухова.

ТРЕУХОВА. Коль, ты как? Полегчало? Тонь, мы сегодня обедать будем?

ТОНЯ. Куда вас девать – будем.

ЗОРИН. А мне не хочется, сосну полчасика.

ДОРНФЕЛЬД (Тоне). Сто сорок на сто. Высоковато.

ТОНЯ. Нормально. Это мой крейсерский режим.

Тоня уходит. Дорнфельд разворачивает стул от стола.

ДОРНФЕЛЬД. Ирина, садись, мимику проверю.

Ирина садится на стул и откидывает голову. Дорнфельд достаёт миниатюрный фонарик, рассматривает что-то около ушей и над глазами.

ТРЕУХОВА. Ну как? По-моему ничего не видно.

ДОРНФЕЛЬД. Сейчас посмотрим. Улыбнись... так... Шире улыбнись... так... Наморщи лоб... хорошо... Рожу скорчи какую-нибудь... Да, весьма неплохо. Моя новая методика даёт хороший результат.

ТРЕУХОВА. Не скромничай. Результат отличный. Может

губы подкачать ещё?

ЗОРИН. Только не это!

ДОРНФЕЛЬД. Согласен. Ты же не хочешь карьеру себе испортить?

ТРЕУХОВА. Нет, конечно. Но все подкачивают. Чуть-чуть невинной припухлости не помешало бы.

ЗОРИН. Какая невинная припухлость, Ира?! Ведь не «шешнадцать» тебе!

ДОРНФЕЛЬД. Вы бабы, странные существа. Хотите быть единственными и неповторимыми, но делаете всё, чтобы быть как все. Зачем? Вы не понимаете, что когда смотрите в зеркало, вы делаете своё лицо таким, каким хотите видеть. А другие видят то, что есть на самом деле: губы отстают от мимики, брови и лоб неподвижны, как у покойника. Но самое страшное это глаза. Взрослые, знающие жизнь глаза на гладких, как младенческая попка, лицах. Это страшно.

ТРЕУХОВА. Ай-яй-яй... Как же Вы операции делаете, доктор Дорнфельд? Зачем новые методики изобретаете?

ДОРНФЕЛЬД. Затем и изобретаем, что вас, баб, жалко... Вы же старости как лепры боитесь. А ведь в каждом возрасте своя прелесть есть. Взять хотя бы Софи Лорен – какое достойное старение. А Катрин Денёв? Они подают себя как дорогое вино.

ЗОРИН. Или наша Элина Быстрицкая – какая красавица!

ТРЕУХОВА. Так то настоящая красота. Она как талант, встречается редко. А мы так – милашки-дворяжки. На жа-

ЛОСТЬ ДАВИМ.

Дорнфельд с вожделием наклоняется над лицом Треуховой. Незаметно входит Борис Репло.

ДОРНФЕЛЬД. Да ладно... Харэ прибедняться.

ТРЕУХОВА. Как думаешь, ещё лет десять протяну?

ДОРНФЕЛЬД. Больше протянешь... если пластикой не будешь злоупотреблять.

ТРЕУХОВА. Не буду. Ты меня напугал.

6

РЕПЛО. Браво, браво! Вам, доктор, удалось то, чего я не смог. Она никого не слушает, кроме Вас. Даже меня, своего любимого режиссёра. Я её красотой уже сыт по горло, а ей всё мало. Сейчас же уроды в тренде: что ни пьеса, то анамнез для психиатра. Да и зрители почти сплошь психопаты. Приходится крутиться.

ДОРНФЕЛЬД. Вам-то зачем, Вы же не психиатр.

Треухова делает знаки Дорнфельду, чтобы молчал. Входит Тоня в переднике и с кухонным полотенцем в руках. В открытом окне со стороны улицы появляется Дэн и потихоньку снимает на смартфон происходящее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.